Пётр Чистобаев

К БОГУ ДОРОГА ИЗВИЛИСТАЯ ДОЛГАЯ

18+

Пётр Чистобаев
Долгая извилистая дорога к Богу

Текст предоставлен правообладателем
https://litres.ru/73154193
Чистобаев Пётр. Долгая извилистая дорога к Богу: Де'Либри; Москва; 2025
ISBN 978-5-4491-2744-0

Аннотация

Путешествие, которое меняет тебя изнутри Эта книга – не просто чтение. Это опыт. Путешествие, в которое ты отправляешься вместе с автором, даже не подозревая, куда оно тебя приведет. Петра Чистобаева смело можно назвать современным пилигримом. Его «дорога к Богу» – это не абстрактная метафора, а реальный, физический и невероятно сложный путь, полный лишений, сомнений и неожиданных встреч. Что меня особенно поразило – это абсолютная честность автора. Он не пытается представить себя святым или просветленным путником, который с самого начала знал, куда идет. Нет, он живой человек со своими слабостями, страхами и моментами отчаяния. Он сомневается, устает, иногда злится, и в этом его огромная сила. Это делает его историю невероятно близкой и понятной. Книга написана

прекрасным, образным языком. Читая, буквально чувствуешь под ногами пыль дорог, холод ночевок под открытым небом, усталость в мышцах и радость от простых человеческих доброт – чашки чая, предложенного незнакомцем, или душевного разговора. Кому я рекомендую эту книгу? • Тем, кто находится в поиске. Не обязательно в религиозном – в поиске себя, своего места в жизни, смыслов. • Любителям travelog и историй о реальных приключениях. • Всем, кто устал от глянца и хочет услышать искренний, не приукрашенный голос. Это не руководство «как прийти к вере». Это дневник души, которая искала и нашла свой, уникальный и извилистый, путь. После прочтения остается чувство светлой грусти и огромной благодарности автору за то, что он поделился этой дорогой. Из минусов, возможно, для некоторых читателей повествование может показаться немного монотонным, как и сама дорога. Но, на мой взгляд, в этом и заключается замысел – передать всю рутину и протяженность пути. Книга будет особенно интересна людям, интересующимся практической стороной духовной жизни, а также тем, кто ценит мемуары и документальную прозу. Автор не рисуется и не играет роль святого. Его путь к вере – это долгий, трудный и очень человеческий процесс, полный сомнений и открытий. Читается как увлекательный роман, хотя это документальная проза. После книги остается ощущение, что прошел часть пути вместе с автором и задумался о чем-то очень важном. Всем, кто чувствует внутренний поиск и устал от поверхностных советов. Эта книга не дает ответов, но помогает задать себе правильные вопросы. Сильное и цепляющее произведение.
 Содержит нецензурную лексику.

Содержание

Детство в товарном вагоне 40
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Пётр Чистобаев
Долгая извилистая дорога к Богу

© Чистобаев П., 2025

Я услышал Твой голос рано,
Очень близкий и очень чистый,
Но в туманной стране обмана
Я дошел до Тебя не быстро
Ты не бросил меня средь боя,
Давши срок, чтоб душа прозрела.
Ты меня прикрывал Собою —
Нет у Божьей Любви предела.

Протоиерей Алексий Зайцев

Господь отправляет нас в путь по дороге земной жизни.

С пустой сумой через плечо.

Что мы будем класть в нее, зависит лишь от нас.

Хотим мы или нет, но в ней будет все: хорошее, плохое и очень плохое.

И суд Его будет бесхитростным и честным.

Так как суд Его не предполагает двуличия.

Он дает нам проводников: Маму и Отца,

Которые со временем отойдут от нас, и мы останемся одни

На этой извилистой, ухабистой дороге жизни.

И далеко не всем удается пройти этот путь по Его заповедям.

Тот, кто стоит за нашим левым плечом, – суть темная сила,

Она ни на мгновение не упускает нас из своего внимания.

Мы выбираем то, что красивее внешне, не видя внутреннее состояние.

Мы не осознаем, что эта легкость обернется через время тяжким грузом.

И мы отчетливо слышим голос темных сил, он перебивает тихий голос Всевышнего.

Блестящее и сверкающее заглушает голос Разума, но не ума.

Ум – прерогатива находящегося слева.

Тот, кто справа, хочет проникнуть в твой внутренний мир.

Но там нагромождение всего, но не Божественного.

И любовь, и осознание себя как сына Божия

Не находят там места.

Он не кричит – призывает тихим голосом.

Однако шум стоящего слева заглушает голос Разума и Истины.

Мы всегда на перепутье,

И только нам выбирать правильное направление.

Петр Чистобаев

Тикающие размеренно часы, висевшие на столбе в центре

тюремного барака с картиной Шишкина «Утро в сосновом лесу» на циферблате, показывали четыре часа двадцать минут утра. Я уже не спал.

Подъем в колонии строгого режима производится в половине седьмого. Это суматошное при крике «подъем» действие, которое сложно передать словами, меня реально угнетает.

Прыжки со второго яруса, беготня, толкание в узких проходах, кашель, сплошное гудение вперемешку с руганью матом.

Кто-то заправляет кровать сразу, чтобы потом не терять несколько минут свободного времени. Пятьдесят человек в секции десять на двенадцать метров. Через проход – такая же и там, и такое же количество. Раздается голос завхоза: «На зарядку выходим, строиться!»

Сто человек выходят, не спеша, в локальную зону и делают вид, что построились. Начальник отряда, старший лейтенант, начинает движения, напоминающие зарядку, под «раздва», и все делают вид, что выполняют. Я пришел сюда два год назад из колонии строгого режима Свердловской области, из управления Севураллага. Оттуда меня вытащила адвокат по просьбе моей жены Натальи. В общей сложности мне осталось один год и три месяца от пятилетнего срока. Здесь я держусь, как говорили раньше, один на льдине. Эти два с небольшим года в своем десятом отряде – со всеми ровные отношения, но без всяких обязательств.

Никому ничего не должен, и мне никто.

Эту пятилетку я схлопотал по сфабрикованному обвинению людьми, которым на все плевать. Я думал, что не бывает так нагло. Когда пришел сюда в 1981-м году, Наталья вместе с адвокатом Галиной, у которой были связи в управлении мест заключения, хотели выдернуть меня отсюда на «химию» через полит отдел. Можно было сказать, что все получилось, но начальником отряда, в котором я находился, был капитан Голованов, и был он еще «прицепом с дополнительной нагрузкой», так сказать, инструктором по политчасти. Значит, он все знал, что происходит на воле, что меня хотят вытащить через политотдел.

Он вызвал меня в кабинет и спросил:

– Ты что, Чистобаев, на «химию» собрался, как я слышал?

– Вы ослышались, гражданин начальник, – ответил я, – или вас ввели в заблуждение.

– Значит так, – сказал он, – слушай внимательно: ты в преступлении не признался, у тебя иск на 8 тысяч…

– Я не виновен в том, что написано в приговоре, – перебил я его.

– Сделаем так, – продолжал он, не обращая внимания на мои слова, – пишешь заявление о вступлении в секцию профилактики правонарушений. Это как бы помощь администрации с отрицательно настроенными осужденными. Типа дружинника на свободе. Наденешь повязку, походишь дежурным по аллее, внесешь долг – тысячи три-четыре. Я

знаю, что деньги у тебя есть. И через годик я тебя представлю на комиссию. Понятно, осужденный? – спросил он.

– Гражданин начальник, а теперь вы послушайте. У меня пять лет сроку, двое детей и мама старенькая, но было бы у меня десять лет и четверо детей, хрен бы по вашему получилось, – ответил я.

– А ты что, вор в законе? – с сарказмом спросил он.

– Гражданин начальник, я вол в загоне, – ответил я.

– Ну, иди на!.. – произнес он известную фразу.

Я вышел из кабинета, сразу же и забыл весь этот разговор.

После этого прошло уже больше двух лет. И вот я лежу, смотрю на часы, через пять минут встану, достану кроссовки «Адидас», которые я привязываю веревкой к сетке кровати, под матрасом, как самое драгоценное, что у меня здесь есть. У меня на строгом режиме такие кроссовки! Фантастика!

Надену рваные штаны типа трико, рубашку ХБ на двух пуговицах, с коротким рукавом, подшлемник сварочный с отверстием для глаз и там же защита для носа в мороз. И в четыре часа тридцать минут выйду из барака и побегу по кругу, который чуть больше ста метров.

Пробегу сто кругов, или десять километров. Как всегда, если я не нахожусь в ШИЗО, то есть в штрафном изоляторе (там, как правило, получаешь пятнадцать суток), зайду в барак, вымоюсь холодной водой – а другой здесь нет. Побреюсь, что делаю ежедневно, оденусь, не торопясь, заправлю кровать. Мне никто не мешает этим заниматься, никто

не орет «подъем». Тишина относительная: все храпят, ну и еще разные звуки… И за пять минут до подъема выйду на улицу. Эти полтора часа для меня – свобода. Я ни от кого не завишу. Это моя часовая или полуторачасовая свобода – уже третий год. А в промышленной зоне, у моего приятеля Марата, после обеда будем колотить по лапам у него в бендежке, где висят и мешок для бокса, и лапы, которые сделаны из поролона и обтянуты брезентом, чтобы долго не рвались. Марат – чеченец по отцу, мама у него – татарка. Срок у него – десять лет.

Я работаю в штамповочном цехе, он – в кузовном, слесарем и одновременно сварщиком. Живет он в другой локальной зоне, в восьмом отряде. Мы вместе не кушаем или, как говорят, не кентуемся. И это хорошо. Но, с другой стороны, я ему буду благодарен всю свою жизнь. Это благодаря ему я и бегать начал, и боксировать.

И любые слова здесь однозначно лишние. В самом начале наших отношений он меня как-то немножко поддел: «Ты, мол, десять раз не отожмешься». «Кто? – возмутился я, – смотри!» И, к стыду своему, еле-еле отжался четыре раза. Как дождевой червяк. Да, тюрьма в те годы запрещала спорт. То, что я бегаю, сотрудники, скорее всего, знали, но про бокс – сто процентов, нет. Мы могли бы за него получить ПКТ месяца по три. Это помещение камерного типа, тюрьма в тюрьме.

И тут еще нам подфартило: пришел с ЧМЗ – район в Че-

лябинске – Леша, настоящий мастер спорта. Получил мастера еще в 1963-м году в Москве. Побил мастера спорта. Не по очкам, как сейчас получают, а побил настоящего мастера. Учился в МВТУ имени Баумана, а потом покатился. Это бывает. Набрал уже, в общем, около пятнадцати лет лагерей. Нормальный мужик. Я как-то спросил его:

– Леша, а что так жизнь сложилось?

– Петя, – ответил он, – друзья и водка. Больше он не хотел на эту тему разговаривать.

На лапах таскал мастерски, смеялся всегда: «Петька, когда на лапах работаешь, не ссышь от удовольствия?» Да, кайф, конечно, был просто без меры. Марат всегда оттаскивал меня: «Хорош, добрался до бесплатного, дай поработать». Между нами не действовал принцип лагерной жизни: умри ты сегодня, а я – завтра.

В Севураллаге, откуда меня привезли, это было как «здравствуй». Здесь тоже, конечно, не Артек, но все-таки.

Когда я получал передачу, я всегда угощал Леху, а Марату отдавал половину. Он первый раз, вроде, хотел отказаться, но я сказал:

– У тебя нет никакого права отказываться. Тебе прислать некому, и привезти тоже некому. А то, что ты меня вытащил из этой ленивой жизни в лагере, – это стоит больше, чем конфеты и вся эта передача. Придет время – я освобождаюсь раньше тебя – тогда и разберемся, что такое благодарность. А пока даже на мешке – отличная вещь. На лапах если дер-

жит опытный мастер – просто фантастика.

Но здесь, ты думаешь, только ноги, плечи, «подойди», «отойди» и так далее. Такой удар, такой удар! А бесподобная работа мозга – это бег. В боксе этого нет.

И при правильном дыхании и работе ног при скорости не больше пятидесяти минут на десять километров ты находишься там, где хочешь быть. Бег очень меня выручает. Получить «пятилетку» за то, чего не делал, – мало приятного, особенно, когда тебя уводят, отрывая от двухмесячного сына и от второго, шести лет. А жена говорит им, что «папа в больнице».

И бег в этом случае включает в мозгу картины будущего. Кровь вращается в пятьдесят раз быстрее во время бега. И, видимо, доступ такого мощного количества кислорода открывает определенные границы, которые не получатся в обычной ситуации.

В своем десятом отряде я ни с кем не контактирую. Чифир я не пью, деньги всегда есть: носит один сотрудник, когда нужно. Его жена малость знакома с моей, поэтому все нормально в этой ситуации.

Первое время иногда спрашивали меня:

– Не трудно одному?

– А в чем трудность? – отвечал я.

– Ну, из ШИЗО встретить, например.

– А я что, сам не могу взять в каптерке чистые трусы и не могу сходить в баню? – отвечал я. На это других аргументов

больше не поступало.

Самостоятельность – самая лучшая защита в любом обществе. Зона – тоже общество, просто очень сильно концентрированное. В свое время ко мне подошел Гиви. (Это я возвращаюсь к кроссовкам «Адидас»; это просто счастливый случай, что они у меня появились.) Гиви из нашего отряда. Заядлый чифирист, нормальный человек, спокойный. Правда, когда речь идет о чае, он немного оживает.

Он подошел ко мне и спросил:

– Петр, ты же бегаешь в тапочках?

Да, я бегал в тапочках. Это тяжело: портил ноги, но бегал.

– Ну да, а что?

– У меня есть кроссовки «Адидас». У тебя какой размер?

«Да, – подумал я. – Гиви, видимо, съехал с катушек. Наверное, что-то хочет попросить, хотя жил он спокойно, вроде не был должен никому».

– Сорок четвертый-сорок пятый, – ответил я.

– Вот, у меня как раз сорок четвертый, – оживился он.

На календаре – весна восемьдесят четвертого года. На воле кроссовки хрен купишь. Они год-два как в стране появились. Их выпускал московский обувной комбинат на весь Советский Союз.

– Гиви, скажи, что с тобой? Ты вроде не болтун, а тут несешь пургу какую-то, – спросил я его.

– Петр, не веришь? Пойдем в каптерку, посмотришь.

И случилось фантастическое представление.

Он вытащил из мешка темно-синие кроссовки сорок четвертого размера, почти новые. Я впервые в жизни увидел такую красоту. Померил – и как будто обалдел на несколько секунд.

– Что хочешь? – спросил я его, хотя мог и не спрашивать: чай для него был дороже еды. Но в зоне его не было вообще. И сотрудники говорили, что и на воле тоже сложно. Но так уж случилось, что повезло нам обоим.

– Две больших, – ответил он. Чаю у меня тогда было много, лагерная валюта. Непонятный для меня приятель привез из Москвы сто маленьких плит, по сто двадцать пять грамм каждая. И через знакомого майора я загнал их в зону.

У меня была небольшая бендега: я работал в это время технологом по оснастке, то есть занимался качеством ремонта штампов. И было довольно много документации. Так что маленькая, три на два с половиной метра, комнатушка у меня была. Там я и прятал лезвия для бритья, деньги и чай. Сколько шмонов было, но никто ничего не находил.

– Хорошо, Гиви, – сказал я, – но не две больших, а четыре маленьких.

Гиви тут же сунул мне кроссовки.

– Здесь есть? – спросил.

– Нет, Гиви, – я протянул их ему обратно.

– Петя, хорошо, хорошо, а когда?

– Завтра на промзоне. Никому ни слова. Договорились?

– Да, как скажешь.

На следующее утро, в четыре часа утра, я надел на ноги что-то невероятное. От тапочек болели ноги. Чуть выше пятки на левой ноге была сеть в районе щиколотки из порванных капилляров. Исчезли они лет через двадцать. На свободе я тоже бегал лет десять, не меньше, после освобождения.

На промзоне с утра я пришел в цех к Гиви. Мы отошли в сторону, и я ему отдал пять вместо четырех.

– Петр, вроде о четырех был базар? – вытаращил глаза Гиви.

Это был стопроцентный глупый поступок с моей стороны в зоне, но я ему и десять дал бы.

– Гиви, ты же знаешь: я не пью, а что мне одна? Марат тоже не пьет, так что забирай. Договорились – никому.

– Не беспокойся.

Гиви пожал мне руку и, видимо, пошел прятать одно из своих чудесных воспоминаний.

«Господи, как мало нужно человеку», – подумал я.

И что, появились какие-то отношения с Гиви? Конечно, нет. Хороший парень – не более того.

Но я же не видел его в более жестких жизненных ситуациях. Поэтому, чтобы потом не ругать себя, лучше быть всегда одному на льдине. Да и с Маратом получилось какое-то стечение обстоятельств. Но, учитывая фразу, что случайность – это неосознанная необходимость, значит, какая-то сила управляет событиями…

Часто вспоминаю об одном из снов, которые приходили

ко мне довольно часто, и назвать его простым язык не поворачивался. Он приснился мне 26 ноября 1979 года. Освободился я с общего режима в 1976-м году и ничем, что касается нарушения Уголовного кодекса, не занимался.

Конечно, не был я кристально честен, но статьи Уголовного кодекса обегал за километр. Я вижу этот сон: иду по той самой зоне, из которой я освобождался три года назад. Иду с человеком, но я его не вижу и с ним не знаком. Я в лагерной робе, в сапогах.

Идем мы с ним по знакомой мне бетонной дороге. Справа – локальная зона первого и второго отрядов. Впереди – ворота промзоны, и они медленно открываются. Я говорю тому человеку, кто идет рядом со мной:

– Как это так? И за что пять лет?

А он мне отвечает:

– Ничего не поделаешь, придется сидеть.

Я в ужасе просыпаюсь. Рядом жена на восьмом месяце беременности. Я ее обхватил, прижался, но почему-то не успокоился.

Прошло четыре месяца, меня арестовали и через пять месяцев навесили «пятилетку» строгого режима.

У меня было таких мистических снов около десяти. Это назвать случайностью нельзя. Точно так же, как и все то, что с нами происходит в так называемой жизни. Случай ли Гиви с кроссовками или Марат, благодаря которому моя жизнь кардинальным образом изменилась? Случайностей не быва-

ет, все предопределено. Изменить нельзя.

Нет желания с кем-то разговаривать, постоянно думая о детях, особенно о младшем, от которого меня оторвали, когда ему было два месяца. С кем и о чем разговаривать?

Марат мне время от времени говорил: «Что ты такой нелюдимый?» Я даже не знал, что ему ответить. Я в упор никого не видел. За прошедшие годы у меня здесь было всего три стычки.

Одна в столовой на промзоне завершилась сразу с обеих сторон: он ударил – я долбанул в ответ. Все пацаны закричали, и мы прекратили. Другая – в бараке из-за табуретки перед телевизором – тоже была отрегулирована. А третья была прошедшим летом.

Барак был на ремонте, и жили мы в палатках здесь же, в локальной зоне. Когда ремонт закончился, все кровати вытащили на улицу для покраски. Они все стояли недалеко одна от другой. Я нашел квадратные деревянные кубики, приспособил их к ножкам, чтобы кисть не марать при покраске о землю.

Пошел за краской и кистью, прихожу: нет моих кубиков. «Нормально», – подумал я, стал оглядываться. Присмотрелся: вот они – под другой кроватью, через одну. «Ладно, – думаю, – не проблема. Позже покрашу». Подошел к этому фраеру.

– Слышь, земляк, когда закончишь, на место верни.

– Да пошел ты! – услышал я в ответ.

Смотрю на его толстую, наглую морду: натуральный уличный хулиган, вижу впервые.

Ну, барак большой, больше ста человек, и немудрено, если учесть, что половина мне в любом случае незнакома внешне. Я повторил еще раз, не поленился.

Слышу в ответ:

– Ты, чмо, сейчас в лоб дам – голова отвалится.

Так, стою, молчу и рассуждаю. Чувствую: внутри спичка зажглась, пока не подожгла фитиль. Здесь люди вокруг, у ДПНК будут наперегонки через пару минут. Даже без замаха не успею и получу пятнадцать суток. В голове моей как будто дети спрашивают папу: «А ты, случаем, не трус?..»

Рядом с локальной зоной с предприятия свезли кузова для завода ЧМЗАП. На промзоне места уже не хватало, вот их и приперли в жилую зону.

Их наставили по четыре штуки в высоту, и между ними просто несколько маленьких рингов образовалось. Пошел я в его сторону да и думаю: «Только не сильно, а то не только пятнадцать, а может, и ПКТ схлопочешь, ну или раскрутят, как знать».

– Слышишь, – говорю ему, – пойдем?

– Куда? – спросил он.

– Да вот к кузовам, поговорим.

– Тебе что нужно? – жутким рыком произнес он.

– Да ладно, хрен с ним, пойдем, дай в лоб, может, и правда голова отвалится, – спокойно, с улыбкой сказал я.

– Так побежишь же ты к ДПНК сразу, сдашь, – с наглой физиономией проговорил он.

– Да нет, – сказал я, – не убьешь ведь.

Подошли к калитке, я попросил вахтера:

– Пойдем покурим?

– Только недолго и недалеко, – предупредил он.

– Да нет, в кузовах, – сказал я.

Мы вышли, зашли между кузовов и стали напротив друг друга. Он с такой же наглой мордой смотрит на меня и бьет мне между ног своим сапогом – я повернулся боком. Он даже брюки не задел.

– Ну что ты, чмо? – сказал он.

Мне было страшно, только не до потери сознания. «Ладно, – думаю, – Бог не выдаст».

Я тихонечко – два прямых и также не сильно слева в челюсть. Упал он сразу. Сознание не потерял, чуть-чуть дергался. Ну, думаю, приехали. Стал его тормошить. Несильно, тоже по щекам – очухался.

– Это ты по-козьи поступил, – произнес он, лежа на боку.

Я его поднял: он весь в пыли, пришлось отряхнуть.

– Слушай, ты, мешок с говном, – сказал я. – Помни сам и скажи, с кем ты там кентуешься. Не трогайте меня. Не подходите. Вы все для меня никакого интереса не представляете. Понял?

Он молчал и смотрел в землю.

– Пошли.

Я пошел впереди, он – за мной. Зашли в палатку, я ему еще раз напомнил про мои деревяшки под кровать: «Покрасишь – оставь на моей койке». И пошел в свою палатку.

Залез рукой в тумбочку, хотел достать конфету. А в палатку зашел Рудик, с которым мы чуть не схлестнулись из-за табурета. Сел напротив и молчит. Странно.

– Привет, Рудик, что хотел?

Он внимательно посмотрел на меня, потом на стенку палатки, сказал:

– Ах! – Махнул рукой и вышел.

Вечером я узнал, что он ел вместе с этим типом.

Рудик, в общем, был нормальным пацаном.

Но тюрьма… Здесь без шкурного, явного или скрытого, интереса ничего не происходит между людьми. Поэтому я был всегда один.

Через несколько дней он подошел и говорит:

– Петруха, мало ты этому козлу врезал тогда. Он пришел убитый и говорит: «Ничего не помню, очнулся на земле, лежу, ну и так далее».

– Что ты на него так осерчал? – спросил я.

– Да, козел, повязку нацепил.

– Да нормальный у тебя кент, – я улыбнулся.

– Да хорош, все, пнул я его.

– Ладно, Рудик, не переживай, – сказал я, – всякое бывает.

Это был первый и последний раз в этой зоне, когда пришлось все-таки объяснять человеку, что грубить и ругаться

неприлично, где бы ты ни находился. Правда, Марат не одобрил тогда это действие.

– Ты что, не понимаешь? А если ты бы ему челюсть сломал, тогда что? – жестко сказал он. – Получил бы в довесок еще пару лет.

Да я и сам это прекрасно понимаю, но по-другому не мог.

Где-то с полугода назад я нашел нового адвоката.

Она из нашего города. Профессор, доктор права. Я написал жене, чтобы она нашла ее и договорилась о посещении меня для разговора. Она пришла месяца через три.

Адвокаты не очень охотно ходят к таким заключенным, которые отсидели половину срока. Жена заплатила ей нормальные деньги, и она все-таки пришла.

Поговорила со мной не больше часа и пообещала съездить в Свердловск и поговорить с судьей, чтобы истребовать дело в Москву для пересмотра. Я, само собой разумеется, ни на что не надеялся, но хотелось еще раз убедиться, что справедливости не существует. Это своего рода психо-мазохизм. Вчера майор подошел и передал записку от жены, где она писала, что «Людмила Александровна съездила и будет у тебя, ей нужно с тобой о чем-то важном поговорить».

«Что такого она может мне сообщить, если уже четвертый год давно разменял?» – подумал я.

Дня через два на промзону прибежал Шнырь из штаба, говорит:

– Пошли, к тебе адвокат приехала.

Она сидела в кабинете замполита.

– Не буду вам мешать, – сказал замполит и вышел, закрыв за собой дверь.

Мы пересели за маленький стол, стоящий у окна.

Она внимательно смотрела на меня и ничего не говорила.

– Что случилось? – спросил я. – Супруга мне сообщила: Вы что-то хотите мне сказать важное?

– Петя, ты только не расстраивайся, – она помолчала и спросила: – Ты помнишь, когда судья ушла на вынесение приговора?

– Ее долго не было. Ее не было два часа, – ответил я.

– Да, но дело в том, что она вынесла тебе оправдательный приговор, а против тех так называемых потерпевших вынесла постановление о возбуждении уголовного дела по статьям «заведомо ложный донос» и такое же обвинение.

Но дело было необычное, а она судья молодая и решила посоветоваться с облсудом. За ней прислали машину, что уже является грубейшим нарушением, и отвезли в облсуд.

Те тоже подтвердили, что ты не виновен, но сказали, что ты писал много жалоб и в Москву, и в Свердловск, и Ельцину, и если тебя отпустить и ты не успокоишься, то у них у всех будут большие проблемы. «Дай ему пять лет, – сказали они, – может, там амнистия будет или на „химию“ уйдет».

«Да, вот еще один сон подтвердился», – сразу же пронеслось у меня в голове.

Камера в Свердловский тюрьме была небольшая, было в

ней человек сорок, я находился там шесть месяцев.

На соседних нарах спал свердловчанин, карманник, как он говорил, Володя. Нормальный вроде парень, немного смахивал на наседку, но мне как-то было безразлично.

На суд меня выдернули 25 сентября 1980-го года. Там были мама, брат младший, жена с сыном. В этот день суд не закончился. Завершение перенесли на следующий день. Ночью я вижу сон, ближе по времени к подъему.

Камера, в которой я нахожусь, – копия: все те же пацаны и мужики, Володя рядом – все как наяву.

Открывается дверь, на пороге – коридорный, говорит:

– Чистобаев, собирайся, с вещами на свободу.

Я вскакиваю, скручиваю матрас, вся хата гудит, Володя хлопает меня по плечу:

– Ну вот, Петька, все и прояснилось. Ну давай, счастливо тебе.

Я скручиваю свой матрас, кладу его на левое плечо, поднимаю руку и говорю всем:

– Давайте, ребята, удачи вам.

И делаю шаг к двери левой ногой. И вдруг меня кто-то резко дергает за правую ногу. Я смотрю вниз и вижу петлю из проволоки диаметром пять мм. И эта петля тихонько, медленно затягивается. Я закричал от ужаса, не понимая, что происходит.

Но, обернувшись, увидел, что проволока уходит в плотный туман, а оттуда кто-то тянет ее, петля медленно затяги-

вается.

«Почему никто не помогает?» – подумал я.

Все люди находились в камере, но все они были застывшими в разных позах, как в страшном сне. Я посмотрел на мента. Он тоже стоял застывший у открытой двери, опершись спиной на широкий дверной косяк, а правой ногой – в косяк напротив, и в мою сторону не смотрел. Понимая, что мне не помогут, я сбросил с левого плеча матрас, сел на пол и хотел снять петлю, но оказалось, что я кирзовых сапогах: петля цепляется за каблук, который создает препятствие.

Я чувствовал явную физическую боль, казалось, что с пальцев отрываются ногти. С невероятным усилием я перетащил проволоку через препятствие и с глубоким, звучным выдохом освободил правую ногу. В камере все ожило, раздались голоса. От усталости я не мог встать с пола.

Коридорный смотрел на меня:

– Ну, ты долго сидеть будешь? Вставай, пошли.

Я встал, скрутил матрас, закинул его на левое плечо, перед выходом обернулся на тех, кто оставался, поднял руку и сказал:

– Удачи, братва!

Дверь за мной захлопнулась громко, и я проснулся. Рассказал сон Володе.

– Ну что, хороший сон, – сказал он, – должны освободить, мне кажется.

Но петля из тумана не давала уверенности.

Через час меня вызвали и повезли в здание суда. Судья быстро что-то прочитала и ушла на вынесение приговора.

Ее не было очень долго, часа два или три.

Когда она вышла из совещательной комнаты, быстро начала что-то говорить, но я не услышал. Только услышал: «Пять лет лишения свободы в колонии строгого режима». Не понимая, что происходит, тем не менее я не держал зла на судью. Я коротко рассказал адвокату этот сон.

Она была поражена и сказала, что это не сон, а видение, и добавила, что, спросила у судьи, почему она не написала свое особое мнение. На что она ответила, что хотела работать судьей, а так она была бы уволена. Ей очень нравилось работать судьей. Это жизнь человека, пока он в теле. Каждый выбирает для себя.

Вернувшись в промзону от адвоката, рассказал Марату все эти детали.

– Без обиды, Петя, но я не очень верил, когда ты рассказывал, что ни за что. Но это, конечно, мрак.

– Да, какие обиды? – сказал я. – Было видно, что ты не веришь.

– А что, доказывать, что ли? Тут все говорят, что они ни за что.

– Все нормально, Марат.

– Слушай, Петя, твой начальник отряда уволился, хохол этот, который подставил тебе ногу с «химией». Может быть, попробуешь с новеньким?

Да, не хотел я разговаривать на эту тему, а Марат поймет, что я что-то скрываю Ладно, не хотел, но придется.

– Не хочу скрывать от тебя, но только между нами. Начну издалека, не перебивай.

Четырнадцать лет тому назад моего подельника по первому сроку пригласила какая-то стюардесса вместе встретить Новый год, 1973-й. Так как это было тридцать первого декабря, середина дня, времени у меня было мало, чтобы куда-то идти. И когда он предложил мне пойти с ним, я согласился.

– Только у меня нет половины, – сказал я.

– Петя, тебе ли говорить? – ответил приятель. – Может, там и подцепишь.

В итоге мы набрали разных бутылок и прочего и подошли к девяти вечера.

Там уже было две пары: приятель с подружкой, плюс еще одна. Я хотел свалить, но все стали убеждать: напрасно, мол, не уходи. И тут – звонок в дверь, хозяйка квартиры говорит:

– Моя подруга пришла. – И пошла открывать.

Пришла ее подружка, лет двадцати, а с ней фраер молодой, лет семнадцать-восемнадцать на вид. Такой шустрый, разговорчивый, симпатичный. Оказывается, он был мастером спорта по прыжкам в воду.

И как-то быстро он освоился и начал с апломбом рассказывать, какой он прыгун.

Кто-то танцует здесь же, в комнате, слушает с рядом сидящим: он что-то рассказывает. А девчушка его сидит и ску-

чает.

Видимо, ее уже замучили все эти рассказы про прыжки.

В общем, пожалел я ее.

Пригласил на танец, но прежде спросил у прыгуна разрешение. Ну, он такой красивый шатен, еще мастер спорта…

Да пожалуйста, говорит, и махнул рукой. Я этот жест понял, как мне показалось: делай с ней, что хочешь… А сам трещит, как заведенный. Да, потанцевали мы с ней. Так, минут пять-семь – и в пустую комнату. Она ложится поперек кровати. Нет, думаю, я брюки снимать не буду. И вдруг несколько ударов в дверь.

Она быстренько села Я спокойно открываю дверь, он ворвался:

– Что это вы тут закрылись?

А я говорю, что даже и не заметил, что она закрыта:

– Просто разговаривали, а ты что подумал?

– Да ничего! – взвизгнул он и вышел с ней из комнаты.

Я попрощался со всеми и ушел.

Так вот, Марат, это был он.

– Вот это номер! – проговорил обалдевший Марат.

– Понимаешь, он же вызвал меня и спрашивает: а кто еще работал с моим подельником? Я даже не понял, к чему он это спрашивает.

Потом вспомнил фамилию его, ну и попал, думаю. Но вроде и нет, не узнал он меня.

Я там одет был выше крыши, голова не лысая, как сейчас,

да и столько лет. Но и не начальник он, Марат, а просто стажер. От него ничего не зависит.

– Да и ну его на хрен. Тебя вспомнит нечаянно – жизни не даст. Так что «химия» не светит. Ладно, что вспоминать? Пойдем лучше, постучим.

После моего рассказа Марат стал каким-то грустным.

– Да, – вздохнул Марат, – к тебе хоть жена ездит раз-два в год. У меня Дунька Кулакова уже больше пятнадцати лет. Ты уйдешь, мне еще почти трешка останется.

– Марат, освобожусь, загоню тебе через ЧМЗАП в контейнере всего, чего ты в жизни своей не видел. И найду красавицу, и притащу, – отвечал я.

– В контейнере притащишь? – захохотал Марат.

– Все, забыли эту тему, я уже продумал все. Жив буду – миллион процентов сделаю.

– Ладно, поживем – увидим. Пошли постучим.

– Да, забыл, – повернулся он ко мне. – Говорят, что ты на завтрак и ужин не ходишь, а только пайку ешь. Что, в натуре?

Врать я не мог, а если спрашивает, значит, знает.

Доложили. Ну да, уже месяц.

– Ты что, вообще башкой не работаешь? Ежедневно бегаешь десятку, и здесь тоже энергия уходит. А чем ты пытаешься восполнить? Только обед на промзоне?

– Нормально, – ответил я, – мне хватает.

– Да ну тебя, дурак ты. – Он постучал ладонью себя по лбу. – Свалишься когда-нибудь – и аут.

– Я все контролирую, – ответил я. Он махнул рукой. А я соврал.

Два раза утром, когда я переодевался, практически почти падал, но хватался за шкафы и останавливался.

Через тридцать лет я узнал, что значит слово «анемия».

Я чудом выжил в то время. Образ жизни я не поменял и на свободе.

Опять и снова всемилостивый Господь не оставил меня!

Больше с Маратом я эту тему не поднимал.

Но дело было еще в том, что я с год назад до этого прочитал несколько статей про вегетарианское питание и принял его сразу и навсегда.

Он орал на меня, говорил:

– Вот освободишься – делай, что хочешь!

– А где еще, как не в этих местах, Марат? – спросил я. – Сам Бог велел.

Это слово присутствовало иногда в моих разговорах, но это было всегда спонтанно и бессмысленно.

Как-то в столовой Марат заорал, а там человек четыреста:

– Эй, большеголовый, иди сюда!

Размер моей шапки был шестьдесят два. Весь зал загоготал. Чего тебе? – закричал я с другого конца.

– Что, не понял? Быстро сюда.

Хохот стоял на весь зал. Я подошел, он подвинулся.

Я сел, он тихонько говорит:

– Под кашей котлета, незаметно с кашей съешь.

У него были связи со столовой, но я этого не касался. Я тихонько сказал:

– Нет, Марат, не буду, ты же знаешь.

– Ну, убью я тебя когда-нибудь, – пробурчал он.

Мне нравилась такая полуголодная система в организме: внутри всегда был как будто звон, голод был всегда, пульс в покое тридцать четыре-тридцать шесть, ладони – кожа и кости.

Марат как-то сказал:

– Как тебе только жена дает на свидании? Ты же страшный, как Квазимодо.

– А она, наверное, любит, когда я страшный: противоположности притягивается, – засмеялся я.

Но были и очень интересные моменты.

Как-то я, как всегда, собрался побегать, несмотря на погоду.

Под минус тридцать. Шнырь, ночной, будил меня, как всегда, но уже четыре утра.

– Петруха, слушай, сегодня хозяин дежурит, может, отдохнешь?

– Ты что, думаешь, он в четыре утра тридцатиградусный мороз пойдет проверять?

– Не говори ерунду.

Я надел свои рваные гамаши, подтянул плавки, чтобы не отморозить хозяйство, рубаху холщовую с коротким рукавом, подшлемник сварочный и вышел на улицу.

Бегать в мороз – такое колоссальное удовольствие, не передать. Внутри все поет и звенит. Бегаю, с головы уже бежит по телу.

Больше пятерки пробежал. В голове – фантастика просто, не передать это состояние. И вдруг почти рядом я пробегаю у ворот локалки. Слышу: «Осужденный!» Все, думаю, добегался.

Сейчас на морозе, весь мокрый, могу хапнуть воспаление легких и стопроцентные пятнадцать суток.

Снимаю подшлемник.

– Осужденный Чистобаев, десятый отряд, бригада сто два, – говорю быстро, чтобы быстрее уже, не стоять на морозе мокрому.

Подполковник внимательно оглядывал меня с ног до головы.

А я думаю: «Все, пропал мой „Адидас“». Смотрит прямо в глаза:

– Давно бегаете?

«На „Вы“, странно», – подумал я.

– Третий год, гражданин подполковник, – отвечаю я. Господь всемилостивый! Слышу, как во сне:

– Продолжайте.

– Благодарю вас, – ответил я и побежал снова по кругу.

Видимо, он какое-то время наблюдал, а затем решил посмотреть, кто этот шлепнутый, который бегает в тридцатиградусный мороз.

Много чего интересного происходит в жизни.

Есть то, что не выветривается со временем. Много чего не покидает наше сознание по воле Господа.

Сказал утром Марату.

– Вот это номер! – воскликнул он, – и за кроссовки ничего не сказал?

– Да нет, посмотрел на все, что на мне было, и – «продолжайте».

Я сам обалдел, думаю, сейчас в «бочку» на пятнадцать суток.

– Аллах помог, – сказал Марат. «Ну что, поколотим пойдем»? – спросил я.

– Да нет, после обеда лучше.

Я пошел в свою бендегу, заварил чай, продолжил читать книгу: дали на пару дней, пишет комендант лагеря «Освенцим» Рудольф Гесс Его приговорили поляки к повешению, но он попросил, чтобы дали время дописать книгу о лагере.

Приятного мало было читать все эти подробности. После обеда пришел к Марату, и тут прибегает шнырь из штаба:

– Чистобаев, тебя в кум-часть, к Бондаренко.

«Ни хрена себе», – подумал я. Посмотрел на Марата, пожал плечами и пошел за шнырем.

Открываю дверь в кабинет – а там мужик какой-то незнакомый и жена моя. Ничего я не понимаю. Стою, молчу.

Мужик говорит:

– Мы пойдем с капитаном в другой кабинет, а вы тут пол-

часа поговорите. Наташа тебе все объяснит.

Они вышли. Я спрашиваю, что за неожиданность.

– Петя, подруга у меня работает завпроизводством в ресторане «Южный Урал». Она тебя знает. А это ее муж. Она мне и предложила. Я его не знаю, но он полковник милиции, в управлении работает.

– Наташа, больше никогда не пользуйся такими услугами. Это нехороший кабинет. Потом я тебе все объясню.

Через какое-то время они вернулись, Наташа с мужиком ушла, Бондаренко мне говорит:

– А что, Чистобаев, можешь пользоваться раз-два в месяц, но, сам понимаешь, не просто так.

– Да нет, гражданин начальник, мне и свидания хватает.

Спасибо, хоть поговорили немного. Я пошел на работу.

Рассказал Марату, он, естественно, поддержал мое решение. Не хватало мне еще свиданий в кум-части. Жена что-то принесла с собой, но я сказал:

– Мне уже передача положена, вот и принесешь.

Сказал ей:

– Не обижайся, думаешь, я не хочу тебя видеть? Очень хочу, не представляешь, как, но в нормальной обстановке.

Марат покачал головой, и сказал:

– Обиделась, наверное?

– Да, вероятно, – ответил я. – Будет знать на будущее.

Она же приезжала в зону на север с братом моим. Перекид сделали и уехали.

Так там два часа на самолете-кукурузнике от Свердловска, а здесь на трамвай села – и дома. Не хочу я красть у самого себя.

– Ладно, дело твое. Ну что, постучим?

– Пошли, – сказал я.

Нельзя изменять себе. Один раз дашь слабину – и все, ты уже не тот. Да, конечно, вроде и не знает никто, но ты же знаешь, что ты покривил душой.

– Нет, Марат, я прав. Думаю, она поймет. А если нет, значит, не та жена у меня.

– Ну, ты идиот, – разозлился Марат.

– Возможно, но меняться, когда тебе скоро сорок лет, не в лучшую сторону не вижу оснований, – сказал я.

Мы разговорились, и что-то я боксировать перехотел.

– Пойдем ко мне в бендежку, чаю попьем, – предложил я.

– Ну ты хитрожопый, – сказал Марат, – пойдем.

Но я не понял, почему он так сказал. Пошли ко мне, попили чаю, а тут вскоре и съем. Не хватало мне еще ругаться с нормальным человеком.

На следующий день все было как обычно. Но это была суббота. В воскресенье он – в своей локалке, а я – в своей.

Не переношу весь день сидеть в отряде. Я уже полтора года, как не курю. Это все бег.

Просто в один день, в марте восемьдесят второго года, я вышел из барака. Достал папироску. Я курил тогда «Беломорканал». Хотел прикурить уже, что-то затормозился – и

мысль в голове: что это ты делаешь, приятель? Засунул я папиросу обратно, зашел в секцию, открыл тумбочку: там у меня лежало семь пачек «Беломорканала». И эта почти полная. На соседней кровати, на втором ярусе, обитал какой-то непонятный тип.

– Ты куришь? – спросил я его.

– Да, а что? – И смотрит на мои пачки.

– Держи, – говорю.

Он, ошалевший, слетает со второго яруса – до сих пор смешно, когда вспоминаю. Говорит:

– Петя, ты что, курить бросаешь? Давай я их в каптерку положу, если что – сразу отдам.

– «Если что» – не будет, – сказал я.

Для строгого режима, да и в общем, в тюремной жизни это, конечно, нонсенс – отдать просто так столько курева.

Я в этот день освободился от двадцатипятилетней зависимости.

Стоило это семь с половиной пачек «Беломорканала»? Безусловно, стоило. Человек сам делает себя, я понял это в то самое воскресенье. И вот сегодня тоже воскресенье. Мне остается чуть больше года. Завхоз закричал: «Выходи строиться на обед!» Все вышли. Я всегда ходил в конце строя: и в столовую, и обратно.

Разговаривать и что-то обсуждать не с кем, и не о ком, и не о чем. Это, по сути, бесполезно.

Сел со своей бригадой с края стола, быстро поел и вышел

на улицу ждать отряд.

Они выходили не торопясь, закуривали, и здесь я опять услышал внутри себя этот голос.

Он говорил мне: «Почему ты всех их не считаешь за людей?»

Голос говорил тихо, медленно, но очень настойчиво, без пауз.

«Посмотри на них: ты не лучше их. У каждого из них дома родные, которые их ждут. Не отвергай никого из них – и тебе самому станет легче». Я помню абсолютно все, те моменты, когда ко мне приходил этот голос.

Но впервые он пришел, когда мне было восемь лет, и еще несколько раз, когда я был уже взрослым. И вот сейчас снова.

Изменения во мне произошли почти молниеносно и бесцеремонно. В голове появилось то, что закончилось для меня в тот день, когда меня задержали. Задерживали меня и осудили совершенно незаконно. Но именно сейчас, когда я перевариваю то, что вещал мне голос, я очень ясно представил себе страшную картину, которую предотвратил мой арест.

Я ясно себе это представлял сейчас именно из-за того, что я получил эти пять лет 25 марта 1980 года.

В этот день меня лишь задержали.

А сейчас я, как на экране, вижу себя, того, кто делал не очень хорошее дело.

Я занимался тем, что перевозил сумку с чем-то. Из одного города в другой. Что в этой сумке, я не знал, но почти на сто

процентов догадывался. Безобидное, вроде бы, дело: взял, отдал, никого не знаешь, и тебя никто не знает.

О сумме, которую я получал за это, я даже и мечтать не мог.

Я делал гадкое дело, но это не главное.

Перед поездкой я заходил в церковь и просил Господа Бога, чтобы Он защитил меня, хотя совершенно искренне заявляю, что я не верил в Него.

Не хочу в данном контексте произносить это слово.

Я ставил свечу, говорил какие-то слова, и с легкой, как мне казалось тогда, душой отправлялся в очередной путь туда и обратно.

Но именно сейчас, у столовой, до меня дошло, что я мог получить не пять, а пятнадцать-двадцать. И в эту минуту до меня дошло, как ясный день, что Господь услышал меня. И, как я просил Его, защитил меня; Он предупредил меня двадцать шестого ноября семьдесят девятого года.

Во сне, где я видел себя в зоне уже со сроком пять лет, отсутствие веры и знания о том, что Он существует, не давало мне понимания, что есть истина.

Это все пронеслось в моем сознании мгновенно. И уже не стало того почти затворника Пети Чистобаева, нелюдимого и злого на весь мир. Это не передаваемое словами мгновение, вспыхнувшее чувство. Я пришел в барак со всеми, но совершенно другим. Мне было легко.

Я смотрел на все, что видел годами, совершенно другими

глазами. Люди не стали другими – изменился я. Конечно, тюрьма не стала для меня домом, но исчезло чувство недовольства, иногда злости и непримиримости ко всему окружающему меня.

До существенного понимания происходящего со мной должны пройти годы, но то, что чуть-чуть, еле заметно, засветилось во мне, не погаснет. Я не думал и не верил – я знал это.

Знание истины фундаментально. Веру можно поколебать. Знание, чего бы это ни стоило, исчезнуть не может.

Мир изменился в понедельник. Я пришел на работу совершенно в другом настроении. Марат держал лапы, а я просто летал по бендежке.

– Ты что, обожрался чего-то сегодня? – с недоумением спросил Марат, глядя на меня.

Я не стал ему все объяснять.

Я не знал тогда, поверит ли он.

Да и, по сути, всегда есть то, о чем нельзя говорить, объяснять и доказывать. Каждый выбирает для себя.

Прошло несколько дней, и я разменял последний год из пятилетки. В промзону прибежал завхоз отряда:

– Чистобаев, тебя срочно начальник отряда вызывает.

– А что такое срочное? – спросил у него Марат.

– Понятия не имею, – ответил завхоз.

Когда я зашел, начальник отряда, старший лейтенант, а не тот стажер, берет лист бумаги, пододвигает ко мне, дает

ручку.

– Так, Чистобаев, пиши заявление, на «химию» пойдешь.

Еще вчера я написал бы, а сегодня, понимая, что эту пятилетку мне определил Всевышний, у меня даже мыслей не было уйти отсюда раньше срока.

– Спасибо, гражданин начальник, но я не пойду.

Старлей дар речи потерял, смотрит на меня.

– Ты что, дурак, Чистобаев? На свободу не идешь? У тебя там мама, жена, двое детей. Ждут они тебя.

– Пусть, ничего страшного.

– Ты что, дурак? – закричал он.

– Нет, мне нужно сидеть до конца, – сказал я. – Даст Бог, с ними не случится ничего. Четыре года ждали, а подождут еще год.

Я встал со стула.

– Могу я идти? – спросил его.

– Да иди ты, идиот, – со злостью сказал он.

Я вышел из кабинета, шел в промзону и представлял, что я буду говорить Марату. Врать что-то я не мог, да и не умел, в принципе. Отговорки тоже не годятся – не тот случай.

Решил пойти к себе в бендежку, успокоиться.

Я сел за стол, откинулся на спинку стула, и в моей памяти возникло мое детство, почти с самого рождения…

Детство в товарном вагоне

Мое самое раннее детство, неосознанное, состоит из фрагментов моего зрения: первого, короткого, затем чуть длиннее и, по мере взросления, более осознанного.

И чем старше я становился, тем обширнее по содержанию и длиннее они становились.

Первое мое обозрение мира очень короткое, блиц, произошло, когда мне было семь месяцев. Об этом мне сказала моя мама, когда я был уже совершенно взрослым.

Мой первый осмысленный взгляд был прикован к яркому предмету, который лежал в изумрудно-зеленой траве. Я смотрел на него, находясь на плечах моего отца, который был ростом один метр девяноста четыре сантиметра. То, на что я обратил внимание впервые в жизни, оказалось ложкой с хохломской росписью.

Она была так далеко, и я так тянулся к ней, что отец заметил ее в траве и поднял.

На этом мой первый этап знакомства с красивым, ярким миром на время прервался.

Второй был запоминающимся тем, что какой-то очень большой человек заходил в дверь, и было кратковременное облако пара из дверного проема.

После этого он достал из кармана телогрейки кусок хлеба, закрыл за собой дверь и, протянув его мне, сказал: «Держи,

Петька, это тебе от зайца». Я вцепился зубами, которых тогда у меня было не так много, и стал его грызть.

Хлеб был очень холодный и твердый, но я его грыз и смотрел на отца – а это, конечно же, был он – с каким-то непонятным восторгом и радостью.

Он смотрел на меня и обнимал левой рукой улыбающуюся женщину, мою маму, естественно, которая держала на руках ребенка, моего брата Мишу.

Я родился в марте 1949-го года, а Миша – в ноябре 1950-го.

Значит, в описываемом событии мне было год и семь месяцев.

Следующий фрагмент я уже помню хорошо, но тоже непродолжительно. Я стою рядом с отцом, прижавшись к его ноге с правой стороны.

Мы стоим перед большой белой простыней, которая закрывает кровать, а там люди в белых халатах.

Гораздо позже я понял: мама рожала еще одного моего брата, Васю. Это был март 1952-го года.

Само собой, я в это время – мне было три года – мало ощущал, кем я являюсь и что за место, где я жил, и спал, и ел. У ребенка трехлетнего возраста вряд ли возникают претензии: что, как и почему. Вся наша семья жила в вагоне, обычном товарном вагоне, стоящем на железнодорожных путях. Если я и осознавал, что я живу в вагоне, то это было естественно, так же, как и у кочевых народов, живущих в чумах, юртах и

так далее. У моих родителей не было своего дома.

Мама родилась и жила в Белоруссии, в городе Бобруйске. Началась война. Дом, в котором жила их большая семья, периодически занимали проходящие через Бобруйск войска и распределялись немецкие солдаты в количестве десяти человек в доме. Поэтому мама с родителями, братьями и сестрами постоянно жили в сарае рядом с домом. Так продолжалось до 1943 года, когда в лесах Белоруссии активно стало действовать партизанское движение. Клим, брат мамы, и дядя Яша, тоже ее брат, ушли к ним.

Летом 1943 года в город вошла карательная дивизия СС для борьбы с партизанами. Вместе с ними были бандеровцы.

Немцы искали партизан и семьи, у которых родственники были в партизанах: кто-то из своих сдавал полицаям, а те, естественно, докладывали немцам. Немцы сами ничего не делали.

Бандеровцы согнали в дом всех, у кого родственники были в партизанах, заколотили досками двери и окна и дом подожгли.

Моя бабушка выбила окно и выпрыгнула из горящего дома. Они расстреляли ее из пулемета на глазах у мамы.

После этого всю молодежь города немцы погрузили в вагоны и отправили в Германию, по сути, в рабство. Маму, конечно, тоже.

Мой дед, отец мамы, был в 1938 году приговорен к десяти годам без права переписки. Но, как было заявлено через

годы, это был просто расстрел.

Когда война закончилась, моя мама находилась в зоне американских военных. И когда она вернулась в Бобруйск, ей порекомендовали определенные люди завербоваться на Урал, а точнее, в «Челябинск», куда она приехала в 1946 году.

Отец мой жил в городе Измаил до войны, а точнее, в деревне недалеко от города. До 1939 года он служил в румынской армии, в кавалерии. Но после подписания пакта Молотова-Риббентропа эта часть Румынии отошла Советскому Союзу. И отец, как неблагонадежный, потому что служил в румынской армии, был отправлен в трудовую армию в Челябинскую область на строительство и ремонт железных дорог.

Вот там и встретились, как говорится, два одиночества. И в 1947 году они поженились. А в 1949 году родился я, а позже – и мои братья.

Вагоны эти стояли, естественно, на путях, чтобы их можно было оттаскивать туда, где нужны были специалисты. Но на станции Шершни мы остановились на постоянное жительство. Я думаю, что всего этих вагонов было не менее шестидесяти или семидесяти. Это был как бы спецпоселок с вереницей вагонов и улицами между ними.

На какое-то время, мне было лет семь, родители уехали вместе с нами в Измаил.

Но почему-то там долго не задержались. И через несколько месяцев вернулись обратно. Нам опять дали вагон. Это я

уже, хотя и не все, помню. Пустой вагон метра три в ширину и метров в двенадцать в длину.

Отец работал с другими мужиками, которые ему помогали. Поставили столбы. На них пристроили тамбур из горбыля. Пол, правда, был из досок. Под ними сделали, как мама называла, «стайку». Она купила потом цыплят и отгородила для них место. А большую площадь назвала Борькой, потому что там был поросенок Борька. Откуда-то появились три кровати, два стола, пять или шесть табуреток. У короткой стены стояла кровать родителей.

Рядом, вдоль вагона, упершись в них, стояла моя узкая кровать. Рядом с моей стояла металлическая печь, труба которой выходила через крышу на улицу. Дальше стояла широкая кровать, где спали Мишка и Васька. И напротив стоял стол и табуретки под ним. Здесь мы ели: папа и мама отдельно, мы тоже. Перед выходом стояло ведро, над ним – рукомойник. В это ведро мы ходили по-маленькому, а, так сказать, по-большому бегали в туалет, который стоял на улице метрах в ста, с двумя кабинами и дверьми, которые закрывались на вертушку на одном гвозде.

Чтобы присесть для нужды, нужно было умудриться найти место, чтобы не наступить на чью-нибудь кучу. Его, конечно, чистили, но очень редко. Мишу с Васей мама мыла в корыте, а я по субботам ходил с отцом в баню, которая находилась в конце границы вагонов. Там стоял барак, в котором и была баня.

В основном, все живущие в вагонах общались мирно. Драки если и были, то я их не видел. Друг другу помогали. Видимо, человек так устроен, что в таком возрасте он не думает о будущем, просто плывет по течению жизни.

Первый класс школы, я смутно помню, учился не здесь. Я ходил сейчас во второй класс. В чем ходил зимой, точно не вспомню. Ближе к лету были какие-то брюки непонятные, рубашка и что-то наподобие тапочек со шнурками от задника отверстия вперед, там завязывались. В правом была приличная дыра, прямо над большим пальцем. Это причиняло мне чувство стыда. Нет, на улице я бегал босиком, да и в школе я тоже чувствовал бы себя нормально. Но мне очень нравилась наша классная руководительница. Ее звали Олимпиада Лавровна. У меня впервые были совсем не детские мысли, когда я на нее смотрел. У нее была просто точеная фигурка. Она ходила на каблучках, как звезда какая-то. Я мечтал, что когда я вырасту… И на этом мечтания обрывались, так как что будет, когда я вырасту, в голову пока не приходило. Но эта дырка, из которой торчал большой палец, доводила меня до жуткого стыда. Это было просто мучение… Но, когда я выходил из школы, мне было абсолютно все равно.

Учился я хорошо. В третий класс перешел с одной четверкой. Летом мы бегали почти все босиком или в каких-то драных чужих обносках.

Ходили купаться в какую-то лужу, которая находилась ря-

дом с железной дорогой. Резали ноги стеклами от разбитых банок. И через несколько минут забывали.

Рядом с нашими вагонами была станция Шершни. И за зданием самой станции, наискосок, находились какие-то склады за забором. Всех тогдашних ребят – друзей – не помню ни одного из более чем десяти человек, в памяти остались двое: один Гена, а другой – по прозвищу Козя. Этот тип всегда что-то искал и, если можно было, мог стащить. Однажды он мне сказал, что на тех складах за станцией он знает место, где лежат в ящиках много трофейных немецких зажигалок. В них есть даже кремень, только бензина нет. Заливаешь, и она работает.

– Там охрана, говорю, что там делать?

– Нет там охраны, – сказал он. – Когда темно, там собака бегает по проволоке на цепи. Может попробуем? Ты, я и Генка.

Я подумал: сходить посмотреть можно, а там видно будет.

Козя был таким провокатором, вечно в какую-нибудь историю втянет. Раз петарду железнодорожную притащил, взорвал ее, и его обожгло прилично в области подбородка. И дразнить его стали «козья бородка».

Мама моя недолюбливала его, постоянно говорила, чтобы я с ним не связывался. У него было, конечно, имя, но все: и дети, и взрослые – звали по прозвищу.

Мы договорились, что завтра, как стемнеет, сходим посмотрим. Он пошел домой, я тоже. Но я крикнул, чтобы он

нашел Генку и спросил, пойдет он или нет.

Мне почему-то страх был незнаком, и хитрить я тоже не мог. Когда мне светила порка ремнем, я просто готовился терпеть. Доставалось мне часто, но я вроде привык, что получаю иногда, и особенно не расстраивался.

Родители оба работали: вставали рано, ну и ложились тоже не очень поздно. Миша и Вася ложились в одно время с ними. Я мог иногда, если отец был не против, послушать музыку из красивого приемника с зеленым длинным окошком под желтым, блестящим материалом.

Мне очень нравилась музыка, когда играли скрипка и фортепиано вместе с оркестром.

Иногда по неизвестной причине у меня на глазах появлялись слезы. Я клал руки на стол, согнув их в локтях, на них пристраивал голову, слушал и засыпал. Мама меня будила, и, плеснув на лицо немного воды, я раздевался, ложился спать. В этот вечер все было, как всегда.

Я послушал музыку, умылся и лег спать.

Ночью я внезапно проснулся и услышал голос. Он вроде был не во мне, а где-то рядом. Он сказал, что когда-то меня не станет. Все будут – а меня не будет, но я не должен бояться.

Я сразу же тихонько всхлипнул: мне показалось, что я что-то потерял. Мама, видимо, не спала, она спросила:

– Петя, почему ты плачешь?

– Я не плачу, – ответил я и сразу же уснул.

До обеда я из дома не выходил, а читал книгу, на обложке которой был рисунок парня с автоматом наперевес. На шапке у него, на козырьке, была широкая красная полоса.

Книга была про партизан, которые воевали с фашистами. Я не пропускал ни одной книги, которую приносила мама. Практически я всегда зачитывался до вечера, а когда мама выключала свет, я читал под одеялом с помощью фонарика. Чтение было моим настоящим увлечением, но книг было мало, и поэтому мы носились по улицам.

Как только весной земля становилась твердой, мы играли в чику, в которой нужно было свинцовой битой бить по монете, лежащей на земле, чтобы от удара она перевернулась другой стороной. Тогда монета твоя. Это занятие было довольно интересным для пацанов от семи до девяти лет.

Утром я выбегал из дома с куском хлеба, политым подсолнечным маслом. Кто увидел первый, орал: «сорок восемь – половину просим». Я всегда делился. В итоге сам съедал меньше всех. Чуть погодя, подошел Козя и опять начал рассказ о трофейных зажигалках. Он был настоящим провокатором.

Правда, провокация с петардой обошлась ему самому очень дорого. Орал он тогда так, что мужики, игравшие в домино недалеко, тут же прибежали и помогали, чем могли. Мы, пацаны, что могли сделать?

– Ну что, идем? – надоедал он.

Я стоял рядом и слушал, ничего не говоря.

– Идем, Генка? – спросил я.

– Ну, давай сходим, посмотрим, – ответил он, пожав плечами.

Как начало темнеть, мы пошли. Перешли железнодорожные линии, обошли здания станции с левой стороны и метров через триста-четыреста подошли к забору, за которым находилось длинное одноэтажное здание склада. За этим зданием виднелись еще несколько. Козя повел нас к небольшой щели в заборе и показал на стоящие один на одном ящики.

На нескольких верхние доске были оторваны, но лежали они рядами в ящике. Только мы стали рассматривать, с громким лаем подбежала большая овчарка.

– Ну, ты и дурак, Козя! – сказал Генка. – Ты зачем нас сюда привел?

– Я придумал, – быстро проговорил Козя. – Я пойду на ту сторону за угол и буду ее отвлекать. А кто-нибудь из вас залезет.

– Вот ты и залезешь, – сказал Генка, – а я буду отвлекать.

– А Петька на атасе.

– Пацаны, я маленький. – Это была правда. – Я не допрыгну с ящиков до конца забора, а Петька здесь самый высокий. Вот пусть он и лезет, а ты его со своей спины поднимешь, чтобы он здесь зацепился, а потом подсадишь, и он перелезет, а оттуда сам спокойно перелезет.

«Командир чертов», – подумал я, но быть трусом не хо-

телось.

Все: Козя побежал, начал там за углом лаять, Генка быстро помог мне.

Я оказался на ящиках, приподнял одну из досок и увидел несколько блестящих от света лампы со столба, лежащих, в основном, рядами штук по двадцать, в вощеной бумаге, зажигалки. Я быстро разорвал бумагу и стал горстями забрасывать их за майку. Собака там лаяла и вдруг перестала.

Я повернул голову в ту сторону и увидел ее, мчащуюся в мою сторону, почему-то молча. Козя орал с той стороны, чтоб я быстрее перепрыгивал назад. Вероятно, это было первое в моей жизни ощущение действия адреналина. У меня был жуткий страх и такой же, непонятно откуда взявшийся, восторг.

До собаки было не более десяти метров, когда я был на верхушке забора. Она не могла допрыгнуть до меня, а я дико орал от какого-то удовольствия и спрыгнул с забора к пацанам вместе с грузом зажигалок в майке. Не помню, сколько было их, но майка моя и живот были в машинном масле или в солидоле. Мама потом ругала меня, когда пыталась отстирать. И что?

Зажигалки раздали мужикам, которые забивали козла, и стоящим рядом, наблюдающим за игрой. Отцу отдал несколько штук. И чего ради лезли? Ничего не понятно.

Козя потом еще раз предложил, но мне было неинтересно уже.

Эффект был уже не тот, как от первого раза.

Воспоминания о злой собачьей морде, которая пыталась достать меня на заборе, как-то не доставляли удовольствия.

«Ищи других дураков», – сказал я ему.

Моя мама всегда говорила: «Не связывайся с Козей». Но я почему-то ее не слушал.

В середине лета мама сказала, что скоро поедем в Бобруйск, на ее родину. Отец поехать не захотел. «Работать надо», – сказал он. Я тогда не понимал, что это такое, но мама сказала, что вместо отпуска он взял какую-то компенсацию, а то нам не на что было бы ехать. Из всей поездки мне запомнился только Казанский вокзал в Москве.

Много людей, шум, постоянные объявления, красивые, блестящие витрины с красивыми же внутри них шоколадками, коробками. Особенно мне нравились бутылки с серебряным верхом. Шампанское, конечно. Но я думал, что это в них мороженое.

Я один раз до этого ел эскимо и предполагал, что это полная бутылка эскимо. Абсолютно не помню, как ехали в поезде туда и обратно. Но помню, как ночью от одного до другого вокзала мы шли по железнодорожным путям.

Мишу и Васю мама держала за руки, а я нес какие-то сумки или что-то наподобие. Помню, как мама постоянно оглядывалась, чего-то опасаясь. Ее страх передавался мне.

Не помню, как возвращались обратно. Отчетливо помню, как в Бобруйске мы сели на обед за большой полукруглый

стол. За этим столом с одного конца сидел дядя Яша, старший брат моей мамы. Его жена, не помню ее имя, сидела с другого конца. Мама сидела рядом с ним, слева от него. А я – рядом с мамой.

Когда начали приступать к еде, вся их семья – их было с родителями семь человек – начала молиться, говорить быстро какие-то слова и креститься.

Ничего подобного я до этого не видел и не слышал об этом. И от своей тупой безмозглости я рассмеялся.

Удар ложкой в лоб мне прилетел со всего маха от правого плеча дяди Яши, через маму, левой рукой, наотмашь, в мой дурацкий большой лоб.

Я что-то закричал или громко сказал, что-то грубое, вероятно. Мама меня дернула за руку, приказав замолчать сейчас же.

Я быстро заткнулся, не понимая, что я такого сделал, чтобы получить по лбу ложкой.

– А они что, у тебя некрещеные, Полина? – спросил дядя Яша у мамы.

– Нет, – опустив голову, еле слышно ответила мама.

– Так, завтра в девять часов утра, – сказал он и стал ей объяснять, куда завтра к девяти мы должны подойти.

Как потом, после процедуры, объяснила мама, церковь была сожжена, поэтому мы пришли на следующее утро в большой дом, который стоял на берегу реки Березина буквально в двадцати шагах от нее. Внутри нас встретил чело-

век в рясе.

Кругом на стенах находились иконы с разными ликами и разной величины, которых я до этого не видел ни разу. В одном углу их было три, чуть ниже под ними горели свечи.

Он ходил с какой-то штукой рядом с нами, что-то говорил, и мы повторяли за ним. Потом он засунул нам всем в рот какие-то тонкие пластинки, которые мы должны были съесть. После этого, если я точно помню, мы пошли на реку.

Все с себя сняли, зашли по пояс. Священник же зашел в своем одеянии, взяв меня за шею сзади. Он что-то говорил, и рука у него была очень сильная. Окунал нас всех в воду. Длилось все это недолго. Мы оделись, мама что-то ему передала, и мы пошли к дому дяди Яши.

Как оказалось – тогда нам, пацанам, было непонятно – этот священник был к тому же еще и нашим крестным отцом, что бывает крайне редко. И вера наша называлась «староверы», или «двоедане». Но узнал я это гораздо позже.

Наша мама этого не объясняла, когда мы вернулись обратно из Бобруйска в наш вагон в Челябинске. Почему – не знаю.

Когда же мы подошли к дому дяди Яши, нас ждала толпа пацанов, но были они чуть старше нас. И один из них, белокурый высокий паренек с серьезным лицом, стоял отдельно. Мне тогда казалось, что вижу его я один, а пацаны стояли у ворот кучкой и не подходили, стояли неподвижно и смотрели. И этот мальчик очень отличался от остальных. Он был

странно одет для того времени: брюки светло-бежевого цвета, светлая обувь, белая рубашка без пуговиц и светлые волнистые волосы. Пацаны были одеты кто во что.

– Ну вот, – сказал этот странный мальчик. – Теперь вы крещеные, и вас всю жизнь будут охранять.

В этот раз я не засмеялся. И это было неожиданно. Я спросил:

– И кто же нас будет охранять, и от кого?

На что он абсолютно серьезно ответил, что каждого из нас будет охранять ангел и защищать от слуги дьявола. И оба они постоянно будут находиться рядом с нами.

– Слуга темных сил все время будет с левой стороны сзади. Ангел все время будет справа. Тот, который с левой стороны, постоянно будет склонять тебя делать нехорошие поступки: обманывать, воровать и прочее. А тот, который справа, будет пытаться не допустить, чтобы ты поддавался желанию темных сил.

Само собой, разумеется, было бы странно, что я, восьмилетний пацан, принял бы эти слова как истину. Естественно, что эти слова и их значения были успешно забыты. Но мне в тот момент казалось, что этот паренек был один. И видел его только я.

А те пацаны, которые стояли у дома, у ворот дяди Яши, они его не видели, это было заметно. Это меня уже в то время удивляло. Однако если ты посадил в землю маленький росток, ушел и забыл о нем, он станет впоследствии, посте-

пенно, но необратимо, деревом. И ты увидишь результат того, кто был за то, чтобы ты посадил этот росточек, а не того, кто постоянно противился. Потом мы вернулись в Челябинск, на нашу станцию Шершни, в наш вагон, почти родной для нас, так как другого, лучшего, мы не знали и даже в мечтах не держали.

Лето прошло быстро. Я собирался в третий класс.

К моей огромной радости, отец купил мне сапоги: настоящие кирзовые, абсолютно новые.

Я чистил их кремом, потом натирал тряпкой, как советовал отец. До первого сентября я их не надевал, но надел новый костюм, который тоже предназначался для школы. Попал под дождь и пришел совершенно мокрый.

И костюм, конечно, новым уже не выглядел.

«Заслужил, получай», – часто говорил отец.

Я получил по полной, но недолго, так как мама вмешалась.

До школы было еще несколько дней, и я опять вляпался в нехорошую историю.

В нашем классе училась девочка, Валя Щербакова. Я увидел, как она качается на качелях, хотел стащить ее с качелей и сам покачаться, ну и поссорились. Вечером я пришел домой, смотрю: мама мне кашу пшенную накладывает и чуть заметно улыбается, отворачиваясь, ставит тарелку с кашей на стол, садится на кровать, опустив голову. Я насторожился. «Что-то случилось, но я ничего страшного не сделал», –

подумал я. Отец повернулся ко мне.

– Ты видел сегодня Валю Щербакову?

– Ну да, а что?

Я рассказал, как все было.

– Все? – спросил отец.

– Ну, – ответил я.

– Что ты нукаешь, как попугай? – проговорил отец и как стукнет меня ладонью по шее.

У меня чуть голова не отлетела. Я никогда не плакал, когда он меня лупил, а тут я заревел.

– Петя с мыльного завода – жестко сказал отец, – что же ты, как дурачок, ведешь себя?

Он опять замахнулся, но мама тут как тут:

– С ума сошел? Лапищей своей по голове ребенка! Дай ему поесть.

– Да ну вас, – пробурчал отец, взял папиросы и вышел на улицу.

Рука отца была, и правда огромная. Я таких рук больше никогда не видел. В Челябинске была такая же лопата у одного знакомого. Они ростом были почти одинаковы. Отец был метр девяносто четыре, а тот человек был два метра. Больше отец не вспоминал про этот случай. Да и я забыл на следующий день.

Зима пролетела, я закончил третий класс без четверок, к своему удивлению.

Весь учебный год во все глаза смотрел на Олимпиаду Лав-

ровну. Она как-то спросила:

– Чистобаев, что ты так смотришь на меня все время?

– Я не смотрю, – ответил я и почувствовал, как краснею. Весь класс засмеялся. После такого замечания я начал смотреть не так явно. Мои чувства к ней не изменились. Пацаны в классе стали подтрунивать, да я не реагировал.

Мне шел десятый год. Отец купил мне велосипед. Был апрель-месяц, тридцатое число. Ездить меня никто на нем не учил. Радость моя в меня не вмещалась. Некоторое время я на него садился и тут же падал набок.

Минут через десять я поехал кое-как, виляя по всей дороге. Через несколько минут влетел в яму. Больно или нет – было неважно. Руль повернулся как-то непонятно. Велосипед не хотел ехать прямо. Я с трудом довел его до своего вагона. Шел и ревел от злости. Пришел, поставил к лестнице, поднялся домой. Отец сидел за столом и, конечно, все видел в окно. Встал, вышел на улицу, засунул колесо между ног, что-то сделал. Я не понял, но все было на месте, я хотел снова ехать. Мама сказала, что уже вечер, а завтра с утра поеду. Я не мог дождаться утра, а когда подошел к окну, то опять заорал: на улице все было в глубоком снегу. Мама опять спокойно сказала:

– Не переживай, он к обеду растает. Через час после этого земля подсохнет – и поедешь.

Мамочка моя, почему я ее так редко слушал до пятнадцати лет, да и позже тоже очень даже не мешало бы.

Велосипед, очень странно, мне быстро надоел. Я передал его брату Мише. «Пусть учится», – подумал я. А велосипед ничего нового мне не дал. После того, когда научишься крутить педали и управлять рулем, больше делать нечего, становится скучно.

Брат научился за полчаса и гонял на нем с утра до вечера.

На простом участке земли, который был между двумя рядами вагонов, выгрузили трубы большого диаметра, а между ними – несколько кузовов. Мужики, которые играли в домино, сказали, что это кузова от КРАЗа. Три кузова положены так, как они ставятся на машину, а два – на них, но только перевернули вниз емкостью. Труб было много, они все лежали одна к одной на земле, очень плотно, а одна почему-то лежала на них сверху. Если ее чуть заденешь, она начинала незаметно колебаться. Мы играли в машины на этих трубах и кузовах, нас было человек пять, не меньше. Кози не было, он не любил бегать, но был Гена и еще несколько пацанов. Очередной салившийся бегал то за одним, то за другим.

Я побежал в сторону кузовов, которые лежали один на одном. Там можно было нырнуть под кузов и выскочить с другой стороны, а Генка побежал в сторону той самой, неустойчивой, трубы. Я стоял в кузове, наблюдал за другими и не обратил внимания на громыхающий звук, но услышал необычно громкий голос Гены:

– Петька!

Я оглянулся и растерялся от неожиданности: на меня со

скоростью катилась труба.

Генка, когда убегал, запрыгнул на нее и оттолкнулся. Она и покатилась, набирая обороты. Пацан, стоящий на верхнем кузове, крикнул:

– Давай руки!

Он хотел вытащить меня, но было поздно. Удара я не почувствовал совсем, даже касания.

Мне кажется, что Господь Бог так устроил организм человека, а может, и не только человека, что в таких моментах, вероятно, и при падениях с высоты и тому подобных случаях, он отключает тебя от жестокости непроизвольных аварий в том самом моменте, когда отключить сознание человека является единственным вариантом сострадания. Я очнулся под вагоном, в тени, на улице в этот день было очень жарко.

Я очнулся от резкого запаха нашатырного спирта. Доли секунд – и я опять потерял сознание. Вторично я очнулся в больнице. Рядом со мной сидела моя плачущая мама, рядом с ней стоял отец. Первое, что я сказал, было:

– Мама, почему ты плачешь?

И слышал, как она говорила врачу тихим криком:

– Резать не дам!

– Но вы поймите: еще час-два – и он умрет, – сказал врач.

Молчавший до этого отец взял ее за плечо и сказал:

– Режьте!

Мама громко заплакала. Когда я очнулся, мама сидела рядом. Я не знаю, как назвать это чувство после операции, ко-

гда хочется пить. Мама смачивала мне губы влажной ватой на палочке. Я тут же хватал ее ртом и выжимал, но это ничего не давало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.